

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ... ФОЛЬКЛОР ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 398
ББК 82.3(4Рос)

ВОЙНА В УСТЬ-ЦИЛЕМСКОЙ ПРИЧЕТИ: ОБРАЗНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА КАНЕВА

(Сыктывкарский государственный университет: 167001, Российская Федерация,
Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 65)

***Аннотация.** Работа посвящена характеристике поэтической реализации темы «война» в причитаниях одной из севернорусских традиций — Усть-Цильмы (р. Печора). Материалом послужили главным образом записи, сделанные непосредственно в годы Великой Отечественной войны — в 1942 г. (опубликованы в 1963 г.). В статье рассматриваются отдельные номинации — слова и определительные словосочетания, относящиеся к понятиям «война», «оружие», «враг». Наиболее популярным обозначением войны стало сочетание «большая война кроволитная», выражения «огни жаркие» и «туча черная» отмечены как единичные метафорические замены этого понятия. Разнообразен словарь оружия и боеприпасов, перечисляемых в плачах в контексте характеристики войны как сражения. При обозначении противника широко используются лексемы как обобщающего свойства («враг», «неприятель»), так и конкретно-исторического («фашист», «Гитлер»), интересен ряд единичных характеристик врага («разбойник», «зверь» и т.п.). Анализу в статье подвергаются и мотивы, характерные для причитаний воинской тематики: наступление войны, проводы (отправка) на фронт, наказания воинам, солдатский быт, битва-сражение, гибель воинов и др. В мотивах проводов и местонахождения солдат манифестируется образ войны как чужой дальней стороны, как пространства смерти, противопоставленного дому и грозящего воинам страшной гибелью. Своего наивысшего накала тема войны в усть-цилемских причитаниях достигает в мотиве непогребения воинов. В работе также обращается внимание на связи поэтики причитаний, посвященных событиям войны, с другими группами плачей и другими жанрами усть-цилемского фольклора. В результате делается вывод, что в «воинской» причети широко использован поэтический арсенал похоронно-поминальной поэзии; параллели к конкретным составляющим художественного словаря обнаруживаются в былинах и лирических песнях. Приводятся отдельные наблюдения о близости усть-цилемских причитаний плачам Заонежья и Пудожья, тоже записывавшимся в годы Великой Отечественной войны.*

***Ключевые слова:** причитания, Печора, война, поэтика.*

* Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого РГНФ и Республикой Коми (№ 14-14-11003 а(р)).

¹ Возглавлял экспедицию заведующий кафедрой литературы В. Г. Базанов, в ее составе работали студенты-филологи А. П. Разумова, Н. К. Митропольская, А. В. Белованова (они названы В. Г. Базановым, см.: [РНБЛ, 554—556; Поэзия Печоры 1943, 3]); при публикации былин, записанных этой экспедицией, в числе собирателей обозначены также И. П. Лупанова, Д. Я. Сапожникова, Е. И. Перевалова [Былины Печоры и Зимнего берега 1961, 585], о них же в своих воспоминаниях говорит и А. П. Разумова [Разумова 2005, 47].

В 1942 г. экспедицией Карело-Финского (Петрозаводского) университета¹ в Усть-Цилемском р-не Республики Коми (река Печора) были записаны замечательные образцы причитаний, многие из которых были вызваны к жизни событиями Великой Отечественной войны. Участники экспедиции, являясь «непосредственными очевидцами проводов и встреч, вестей радостных и нерадостных», имели возможность наблюдать бытование причитаний и записывать их «в самой естественной и непринужденной обстановке» [РНБЛ 9]. По материалам печорской поездки собирателями было опубликовано 66 плачей общим объемом свыше 7 тыс. стихов, полученных в шести населенных пунктах района от 18 исполнительниц возрастом от 24 до 73 лет [РНБЛ Печ.]. Практически от каждой из них зафиксированы произведения, непосредственно связанные с обстоятельствами военного времени, — всего в издании имеется 25 таких плачей. 14 из них относятся к проводам на войну сыновей [Там же, № 11, 28, 30, 34], внуков [Там же, № 3, 29], братьев [Там же, № 42, 44, 45], племянников [Там же, № 31, 46], мужей [Там же, № 43, 66], подруг [Там же, № 41]. 9 плачей посвящены фронтовикам [Там же, № 2, 4, 8, 51–53, 60–62], по одному — погибшему в боях брату и пропавшему без вести сыну [Там же, № 54, 55]; упоминания о войне появляются также и в биографических плачах [Там же, № 1, 39, 40, 51]. Эти тексты интересны, в частности, особенностями проявления образа войны, который (а точнее — идеологема «война»), по мнению Т. Г. Ивановой, формируется (или получает «качественно иное развитие») именно в период Великой Отечественной войны [Иванова 2010, 168]. Реализации темы войны в усть-цилемских причитаниях, записанных в 1942 г., и посвящена настоящая работа²; к ней привлечены отдельные записи более позднего времени.

Образно-тематическое поле «война» в усть-цилемских причитаниях составляют отдельные группы номинаций (война, оружие, враг, воин) и серия мотивов:

наступление войны, проводы-отправка на фронт («на войну»), наказания воинам, местонахождение воина («на войне»), солдатский быт, наказания фронтовиков родным, письма с фронта, битва-сражение, гибель воинов, непогребение погибших и др. Рассмотрим основные составляющие этого комплекса.

Наступление войны представлено в плачах как нападение врага («Напал на нашу страну советскую / Злой враг да немецкий» [РНБЛ Печ., № 31: 40³]) или непосредственно как «возникновение войны». Этот мотив строится с помощью глаголов *открыться*, *подняться* (*подынуться*): «Напал на нас да нечистый враг, / Открылася да тут больша война» [Там же, № 2: 49], «Как больша война да вся подынулася, / По всему свету да как по белому» [Там же, № 29: 84]. Более развернутые описания, включающие подробности проявлений войны, встречаются реже (например: «Напал на нас Гитлер несчастный, злой, / Нанёс на нас лапу фашистскую, / Разрушил да наши сёла, города, / Разрушил наши дома житейские, / Сгубил много людей безвинных, <...> Пролил много да горячей крови» [Там же, № 66: 17]). В записи 1988 г. сообщение о начале войны передано иносказательно: «А разгорелися да огни пламенные, / А разгорелися да жарки огни, / Увели тебя да во большу войну» [СыктГУ 0371–54]. Образ войны-пожара встречается и в мотиве ухода на войну: «Пошёл во жарки огни да во горячие, / Во больши огни да во ужасные» [РНБЛ Печ., № 60: 20]. В одной из записей причитаний «на заданную тему — проводы на войну» собирателям МГУ им. М. В. Ломоносова в 1980 г. удалось зафиксировать текст с редкой для рассматриваемых произведений метафорой «война — туча»: «Поднялася там да туча черная, / Там рвутся-то снаряды военные, / Свистят пули свинцовые» [МГУ 4–10–1980, т. 9, № 157, 5156].

Собственно *война* характеризуется в плачах посредством разнообразных прилагательных. Наиболее устойчивым является сочетание *большая война* (см.

² Первое обращение к этой теме см. в небольшой публикации к докладу [Канева 2011 а]. Идеологема «война» на материале воинских причитаний разного времени рассмотрена в статье [Иванова 2010].

³ Здесь и далее в подобных ссылках на источник цитаты двоеточием от номера текста отделен номер первого цитируемого стиха; курсив в цитируемых фрагментах причитаний мой. — Т. К.

примеры в предыдущем абзаце), к которому могут присоединяться и другие определения. Среди популярных присоединений к этой константе стоит назвать определения *всемирная* и *кроволитная*⁴, например: «Откуль станем их высматривать? / Со чужой-то дальней стороны, / Со большой войны, да со всемирной» [РНБЛ Печ., № 53: 67]; «Ночь идёт там да больша война, / Больша война да кроволитная» [Там же, № 44: 132]; «Проводила я, бедна злосчастная, <...> На большу войну, на всемирную, / На всемирную, на кроволитную» [Там же, № 4: 109].

Примечательно, что определения *большая* и *кроволитная* в сочетании со словом *война* по отдельности отмечены также в усть-цилемских былинах, но как единичные: первое выявлено в записи 1929 г. («Поднимаецэ татары поганы <...> Большой войной поднимаютсе» — «Илья Муромец» [БП, т. 2, прил. II, № 1: 120]), второе (в составе сочетания *тяжкая война кроволитская*) в записи экспедиции 1942 г. — «Василий Игнатъевич и Батыга» [Там же, т. 2, № 207: 106]⁵. Вполне очевидно, что в усть-цилемских причитаниях формульное выражение *большая война кроволитная* наиболее активно обозначилось именно в связи с событиями Второй мировой войны.

В единичных примерах, но в одном и том же контексте — как «разлучница» — слово *война* сочетается с прилагательными *лютая* и *проклятая* («Разлучит, может, война лютая, / Больша война да кровопролитная» [МГУ 4–6–1980, т. 14, № 221, 48]; «Разлучает нас война проклятая, / Проклятая война да кроволитная» [РНБЛ Печ., № 66: 15]). К единичным же характеристикам войны принадлежат определения *нездешняя*, *германская*, *тяжелая*, *зла-лиха* («Уж на войну берут да на тяжелую, / Уж на тяжелую да на германскую» [МГУ 4–1–1980, т. 21, № 169, 6576–6577];

«Я опять тебя да провожать стала <...> На злу лиху, на большу войну, / На большу войну да ерманскую» [РНБЛ Печ., № 55: 8]). В записи 1980 г. *война* названа *многолетней* («Унесла его да как больша война, / Как больша война да многолетняя» [МГУ 4–10–1980, т. 3–4, № 168, 4554]).

Довольно разнообразны в причетах словосочетания с определениями, образованными от слова *война*. Они относятся в первую очередь к *тяжкому/тяжелому времени военному (голодному/бесхлебному)*, жизни (*жизтью военному, налогам военным*), а также к *военным делу, службе* в целом и отдельным их деталям (*пост, котомочка*); самая молодая из исполнительниц (24-летняя Е. Ф. Поздеева) использует выражения *наказы военные, наказ по-военному*.

Выполнение патриотического долга — освобождение Родины — обозначается отдельными устьцилемками не только как *военная служба*, но и как *служба грозная, тяжелая, кровавая*: «Я спроводила да добрых молодцев <...> На грозну службу на тяжёлую, / На тяжёлу службу кровавую» [РНБЛ Печ., № 30: 40]; в плачах той же Е. Ф. Поздеевой неоднократно встречается сочетание *служба верная* («Спроводила бы тебя да солнце красное⁶, / На службу тебя, бедна, на верную, / На верную да на военную» [Там же, № 44: 111]).

В описаниях ухода близких на войну или местонахождения/гибели фронтовиков некоторые печорские воплиницы расширяют семантическое поле *война* лексемами *бои, полки, строи*: «С починаю да большой войны, / Во первых боях да во первых полках / Тут погинул мой да милый брателко» [Там же, № 2: 132]; «Он находится да во больших боях, / Во больших боях, да во первых полках, / Защищает он да свою Родину. / Как ходил он дитя да двадцать три раза <...> в *бои кровавые*» [Там же, № 4: 30]; «Ты ходить будешь да

⁴ В заонежских причитаниях (1944 г.) прилагательное *кроволитная/кровопролитная* является самым популярным определением к слову «война» ([РНБЛ Заонеж., № 3, 5, 8, 15] и др.); встречается оно и в пудожских плачах (1945 г.) ([Там же, Пудож., № 6, 8, 15] и др.).

⁵ Еще одним определением к этому слову в печорских былинах является прилагательное «великая» (одно употребление) [БП, т. 2, 676], в одном же случае оно зафиксировано в былинах Пинегы [Былины Пинегы 2012, 864] (здесь это вообще единственное определительное сочетание со словом «война»). Для сравнения: в былинах Мезени определения к слову «война» более разнообразны, хотя также единичны (*кровопролитная, превеликая, претяжелая смертная, войны страшная-великия*) [Былины Мезени 2006, т. 5, 383].

⁶ Обращение к брату; запятыми в издании не выделено.

во *больших полках*, / Ты ходить будешь да во *первых строях*» [Там же, № 49: 28]. В голошении 78-летней М. Д. Дуркиной, посвященном раненному в боях племяннику, встретилось оригинальное сочетание: «Повыросли да на тяжки годы <...> На большу войну да кроволитную, / Во сильну драку да во биютную» [Там же, № 8: 9]. Слово *фронт* — как самостоятельное, так и в составе определительных сочетаний (*советский, трудовой*) — выявлено в текстах трех исполнительниц.

Фрагменты причитаний, описывающие проводы на войну, включают риторические вопрошания, адресованные оплакиваемому, о месте и цели его отправления; этим приемом «воинские» голошения сближаются с похоронными плачами. «Правильный» ответ («на войну») может предваряться серией возможных вариантов пути-дороги, характерных для мирной жизни печорцев, ср.:

Ты куда ли, наш, да снарядился ли <...>
 На каку ли мою дело-работаньку,
 Ты подпрягать ли своих коней добрых,
 Поезжать ли ты в путь-дороженьку,
 Ты во славную ли, мой, во ярманку,
 Ты возить ли клади накладные,
 То обозы ли да доброконные.
 Ты не в ту видно да в путь-дорожечку,
 Споряжался ты да сподоблялся ли. <...>
 Ты сряжался верно во сыру землю,
 Во сыру землю — под гробову доску
 [РНБЛ Печ., № 14: 4];

Ты куда, наша, да сподобилася,
 Ты на промыслы да на богатые,
 По сено ли да по зелёное,
 По жарки дрова ли да по берёзовы?
 Не туда, моя, да снарядилася,
 Не туда, моя, да сподобилася,
 Ты во путь-то мой да во дорожечку
 Ты во дальнюю да во печальную,
 На большу войну да на всемирную,
 На всемирную да кроволитную
 [Там же, № 43: 5].

Мотив «куда отправляется оплакиваемый», включающий обычные хозяйствен-

ные работы, может быть построен и как череда отрицаний:

Они одну почти меня оставили,
 Не на луга они не на зелёные,
 Не на площади не на широкие,
 Не на широкие да мелкотравчаты,
 Не на гладки да чисты поженки,
 Не на работаньки не на тяжёлые,
 Не на домашние да светлые.
 Они ушли у мя да все уехали
 На чужу дальну сторонушку,
 На службу да на военную,
 На войну да кроволитную
 [Там же, № 51: 20]⁷.

Этот мотив может выглядеть и как ответ на вопрос, «зачем уходят оплакиваемые», совмещающий два основных варианта: активный (*биться-бороться*) и «нейтральный» (*защищать*): «Уничтожать пошли да зла врага, / Зла врага, проклята Гитлера» [Там же, № 44: 116]; «Пошло ихно да солнце красное / Защищать своих братьей, родителей, / Бороться да со лютым зверем, / С таким врагом да с неприятелем» [Там же, № 1: 272]; «Защищать свою родную Родину, / Защищать Россию-матушку, / От фашиста злого Гитлера, / Лютого да ядовитого» [Там же, № 11: 9]; «Биться там да ратиться / Со злым врагом да супостатником» [Там же, № 61: 20].

В подобных отрывках наиболее полно предстают примеры поэтических обозначений противника. Он в устьцилемских плачах назван обобщенно *врагом, неприятелем* и конкретно — *фашистом, Гитлером* (это 4 наиболее популярных варианта), а также *разбойником, злыднем, кроволитником, съедником, супостатником, душегубником, разорителем, зверем* и даже эпическим *издолицем*. Показателен и определительный ряд: в разных комбинациях противник характеризуется как *злой* (самое частотное определение), *неверный, изменный, нечистый, поганный, несчастный, проклятый*⁸, *ядовитый, лютый, лихой, лиховитый, коварный, немецкий* и др.

⁷ Ср., например, с пудоожским плачем «При проводах сыновей»: «Проводила рожёных детушек <...> Не в бурлакушки я вольные, / Не по денежки довольные, / Я на службу государскую, / На войну да на германскую» [РНБЛ Пудоож., № 30: 1].

⁸ Ср. с определительным сочетанием из песни, отсылающей к Первой мировой войне: распроклятый царь-германец — «Как вечер, моя милая...» [ТКУЦ ЛП, № 92].

Отдельные фрагменты плачей, как будто бы непосредственно обращенные к врагу, достигают предельной эмоциональности: «Съедник ты, Гитлер, да супостатник ты, / Разорить хотел Россию-матушку, / Душегубник ты, навязался да нарезался, / Губитель да разоритель ты» [Там же, № 8: 19].

Вернемся к характеристике войны, к мотиву проводов-отправки на войну. Ее местонахождение в плачах определяется как *чужая дальняя сторона*. В рассматриваемом контексте именно варианты этого формульного выражения (*чужая сторона; дальняя сторона; чужая дальняя сторона; чужая дальняя сторона; злодейка чужестранная/незнакомая; чужая дальняя сторона, злодейная злая незнакомая*) стали самыми популярными синонимами понятия война (например: «Проводила я, бедна злосчастливая, / На чужу-то их да дальну сторону, / На злодейку там да незнакомую, / На большу войну, на всемирную, / На всемирную, на кроволитную» [Там же, № 4: 109]). Передко война и *чужая дальняя сторона* соединяются с образом пути-дороги, что согласуется с содержанием данного мотива, например: «Я отправила, да всех проводила / Я во дальнюю да путь дорожечку, / На чужу дальню да на сторонушку, / На большу войну да кроволитную» [Там же, № 50: 52]. Слово война может вообще отсутствовать при соединении формул *на чужую дальнюю сторону* и *в путь-дорогу*, при этом смысловое наполнение фрагмента (отправление на войну) остается прежним: «Спроводила я да в путь-дорожечку, / На чужу да дальну сторону / Я любимого да внукушка» («При проводах на Великую Отечественную войну») [Там же, № 28: 217].

В оформлении мотива проводов-отправки на фронт как ухода в путь-дорогу

на чужую (дальнюю) сторону проявляется связь усть-цилемских «проводных» причитаний с похоронно-поминальной поэзией. Здесь активно используются традиционные для пути-дороги из погребальных плачей устойчивые эпитеты *дальняя, печальная, а также невеселая, слезливая, незнакомая*, ср., например:

Провожать станем да в путь-дороженьку,
Во дальнюю да во печальную,
Во печальную да во слезливую,
На большу войну да кроволитную
[Там же, № 44: 6];

Куды тебя да снаряжаю я,
Куды тебя да сподобляю я,
Во котору да путь-дорожечку?
Да ты не во дальнюю — в печальную,
Во матушку да во сыру землю...
(похоронный плач)
[Астахова 2013, № 5];

А проводить тебя да во последню путь,
А путь не дальнюю да безвозвратную,
А во печальную да путь слезливую
(похоронный плач)
[СыктГУ 0381—52].

Обращает на себя внимание факт невысокой популярности формулы *чужая (дальняя) сторона*, столь растиражированной в причитаниях воинской тематики, в произведениях других музыкально-поэтических жанров Усть-Цильмы. Так, в былинах сочетания с определением *чужая* отмечены в двух текстах как обозначение «земли другой», «заморских» стран⁹. В усть-цилемских свадебных плачах выражения типа «во чужую (дальнюю) сторону» выявлены как единичные¹⁰. Несколько примеров использования формулы дают протяжные песни, где она также, как и в анализируемых

⁹ «Ставрова—та жена уехала в чужу стольню сторону» — «Ставр Годинович» [БП, т. 2, № 179: 122]; «Куда ты нас повез на чужу сторону? — <...> Везу я тебя за синё море...» — «Соломан и Василий Окулович» [Там же, т. 2, № 271: 104]. В близком значении полный вариант формулы («ссылки дальние в чужую дальнюю стороночку») выявлен в одной мезенской былине «Дунай Иванович — сват» [Былины Мезени, т. 4, № 122: 63]. Прилагательное «дальний», широко использующееся в формуле типа «смотреть на четыре дальние стороны» (на 4 стороны света), встречается также при обозначении отдаленных земель (краев).

¹⁰ Выявлены отдельные примеры: «Да ты куда наша да сподобляеся? / Во чужи люди да во чужу сторону» [СыктГУ 0322—576]; «Уж вы просватали меня да отдали / На чужу меня да дальнюю сторону» [МГУ 4-10-1980, т. 6, № 135, 4798]. «Чужая сторона», куда отправляют невесту, реализуется, как правило, в образах чужой семьи / чужих людей, см.: [Канева 2011б, 85, 86, 91].

причитаниях, появляется в контексте воинской (рекрутской), а также любовной тем¹¹.

Мифопространственная отдаленность войны — *чужой дальней стороны* поддерживается в причитаниях военного времени традиционными образами:

Ты за морями, мой, да ты за синима,
Ты за горами, видно, да за высокими,
Ты за лесами, мой, да за тёмными,
За городами, мой, да за столичными,
На большой войне на кроволитной
[РНБЛ Печ., № 28: 114];

Я отправила тебя, проводила, <...>
За больши бора да за сосновые,
За темны леса да за дремучие,
За быстры реки да за субойные,
За сини моря да за глубокие,
На чужу дальню да на сторонущу...
[Там же, № 52: 3]¹².

Одна из исполнительниц (А. А. Носова) называет далекую войну «концом света»: «Я отправила дитя сердечное <...> По конец-то свету белого» [Там же, № 30: 104].

Характеристика войны как чужого пространства (*чужая сторона*) создается в причетах отчетливым противопоставлением военной действительности родному дому со свойственными ему благополучием и уютом. Солдаты — это безродные сироты, лишенные заботы близких:

Уж вы горьки дети там безродные,
Горьки дети бесприютные,
Уж к кому станете припадывать,
Уж ко темным лесам, дубу-дереву,
Ко сырой земле, шелковой траве,
Цветам да как лазорьевым¹³;
Они на мягко место не увалены,
Тёплым одеялом не укутаны,
Словом ласковым не разбужены
[Там же, № 30: 49; 109].

У них нет не только защиты — рода-племени, но и дома (жилья):
Что живут братья да во чистом поли,
Во чистом поли да во раздолице,
Их постилочка да мать — сыра земля,
Их зголовычико да зло кореньичко,
Одеваньице да сине облако,
Умываньице да заря утренняя
[Там же, № 44: 47].

Отрядила да тя спроводила
На злодейку тя да чужестранную,
Там ни постилочки, да ни укуточки,
Тебе постилочка да мать — сыра земля,
Те зголовьице да зло кореньице,
Окуточка да сине облако
[Там же, № 28: 36]¹⁴.

На войне солдатам холодно и голодно: «Уж перенёс он (сын. — Т. К.) много горя великого, / Уж голоду да он и холоду» [Там же, № 4: 40]; «Поднялися да нынче добры молодцы <...> Под окопы да под земельные, / Под земельные да под холодные»

¹¹ Сюжеты типа «воин на чужой стороне — на военной службе» — «За Невагою...» [ПП, № 45], «Калина со малиной не вовремя расцвела...» [Там же, № 97], и «война — чужая сторона разлучает влюбленных» — «Унимала ночевать...» [Там же, № 46], «Как вечер, моя милая, был я в гостях у тебя...» [Там же, № 92]. В последних встречаем непосредственное соединение этих образов в выражении «чужадалная сторонка — распроклятая война».

¹² В пудожских «проводных» причитаниях встречаем примеры устойчивой реализации мотива отправки на войну, построенного по схеме «отправила/проводила в путь-дорогу / на чужую дальнюю сторону за горы, леса, реки и т. п.» [см., например: РНБЛ Пудож., № 7: 5]. Образ войны — чужой (дальней) стороны реализуется и в заонежских плачах [см., например: Там же, № 9: 2; № 45: 11 и др.].

¹³ Ср. с оплакиванием матери, оставшейся без сына: «Куда, бедна, стану припадывать, / К которому да краю-берегу, / Ко листу ли ко кедровому, / Ко той, бедна, да шелковой траве?» [РНБЛ Печ., № 66: 92] или с голошением по детям-сиротам: «Куда приклоним буйну голову, / К которому да краю берегу, / Ко листу ли мы ко дереву, / Ко той мы да к шелковой траве? / Безродны мы, бесплеменные, / Бесприютны да бесприутельные» [Там же, № 64: 66].

¹⁴ Практически эти же формулы используются в пудожских причитаниях, [см., например: РНБЛ Пудож., № 21: 70]. Формульный мотив известен и усть-цилемской лирике: «...Ночь коротовать, эх, во темном-то лесу, эй, да во сыром бору, / Ох, мы-то ле под сосенкой, ой, да под кудрявоей, / Эх, нам-то подстилочка — ох, да мать — сыра земля, / Ох, нам-то зголовьице — ой, да зло кореньице, / Ох, нам-то укуточка — ой, да красно солнышко» — «По дорожкечке, по шишкойей...» [ТКУЦ ЛП, № 12].

[Там же, № 28: 25]; «На чужой-то да дальней стороне, / На злодейке да чужестранной / Там не будут вам да разны завтраки, / Крепки плотны да вам ли паузины, / А мягко место да не постелено, / Круто зголовице да не налажено, / Тепла окуточка да не окутана»¹⁵ [Там же, № 29: 52].

Описания неустроенного солдатского быта соседствуют в плачах с картинами войны-сражения, которые создаются на основе перечислений разнообразных видов оружия и боеприпасов, «под которые» отправились воины («Как пришлось вам итти да ехати / Под оружья да заряжённые, / Под остры штыки да наточённые, / Под пушки да начинённые» [Там же, № 61: 23]). Эти фрагменты создаются за счет как традиционных, так и новых художественных средств. Здесь и оригинальные *копье перёное* и *ядра едровые*, и известные разным жанрам *сабли* и *штыки острые* (единичные варианты: *сабли быстрые*, *штыки долгие*, *наточённые*¹⁶), *пушки* и *ружья*. Последние сочетаются с определением *заряжённые*, хотя чаще *ружье* — *казённое*; *пушки* также могут быть *многозарядными*, *начинёнными*, *большими разрывными*¹⁷. Слово *пуля(-и)* в плачах отмечено более чем в двух десятках употреблений, почти во всех случаях — в составе определительных сочетаний с прилагательными *фашистская*, *немецкая*, *свинцовая*, чаще же других — с определением *быстрая*¹⁸. В этой же лексической группе — *снаряды* (*минные*, *большие*, *угробные*), *мины* и *гранаты разрывные* и др.; в одном ряду с ними оказываются *сабли* и *танки* («Ты под пулюшку да там под быструю, / Ты под саблю-ту да там под вострую, / Под гранаты-те да под разрывные, / Под танки-те да под огромные» [Там же, № 41: 10]). 34-летняя исполнительница из д. Уег

Афимья Ильинична Чупрова, оплакивая мужа и брата, уходящих на фронт, использовала эпические формулы: «Про вас заряжены там да пули быстрые, / Наточены да штыки острые, / Про вас натянуты, ладо, *туги луки*, / *Туги луки да с каляной стрелой*» [Там же, № 66: 37].

Перечислительные ряды — не единственный (хотя и ведущий) прием устьцилемских плачей, воспроизводящих образ войны-битвы. В отдельных причитаниях находим небольшие зарисовки с использованием предикативных конструкций: «*Идёт там больша война*, / *Больша война да кроволитная*, / *Там летят, свистят да пули быстрые*, / *Больши снаряды разрываются*» [Там же, № 46: 47]; «Во чистом поли да во раздольице / *Летят там да пули быстрые*, / *Блестят да сабли острые* / На удалых-то да добрых молодцев, / *Больши снаряды там заряжены*, / *Больши пушки да разрывные*, / *Убить хотят наших добрых молодцев*» [Там же, № 53: 15].

«Богатство» «словаря оружия» в устьцилемских причитаниях определенным образом способствует нагнетанию трагизма ситуации, в которой оказались «лады милые» и сыновья, братья и «братаны», племянники и внуки вопленец. Все названные в плачах смертоносные средства предназначены именно им («Про вас заряжены...»): «Протекали ручьи слезливые, / Протекали реки кровавые, / Подставляю белы груди, / Склоняются да буйны головы, / Падают да мужски тулова, / Стонет мать — сыра земля» [Там же, № 8: 13]. Женщины, провожавшие своих родных и близких на фронт в 1941–1942 гг., в период превосходства противника, осознавали, что солдатам грозит смертельная опасность. Возможно,

¹⁵ Сходным образом фронтовые условия описываются в пудоожском причитании: «На чужой дальней стороншке / Нету завтраков-то ранних, / Нет обедов полудённых, / Нету ужинов вечерних...» [РНБЛ Пудоож., № 4: 49].

¹⁶ В одном из вариантов: «...Под сабли вас, под вострые, / Под стальны щиты четыреганные» [РНБЛ Печ., № 46: 52] — очевидно, искаженное штыки, ср.: «Да стальной штык четырехгранный / Он насквозь тебя пронзит» — «На взморье мы стояли...» [ПП, № 316].

¹⁷ В устьцилемской лирике встречаются мелкие и медные пушечки [ПП, № 50, 324], ружья-пушки [ТКУЦ ЛП, № 8], ружье солдатское [Там же, № 22]. В былинах — единичные употребления этих двух слов, оба без эпитетов [БП, т. 2, 736, 739].

¹⁸ В печорских былинах слово *пуля* зафиксировано от трех сказителей 4 раза (причем одна запись относится к тому же 1942 г.): дважды — без определений, в одной былине — с эпитетами «огненная» и «оловянная» [БП, т. 2, 735]. *Пуля быстрая* встречается, в частности, в широко распространенном песенном сюжете «гибель воина: смерть как женитьба» — «Не во наших полях урожаю нема...» (в устьцилемском репертуаре см.: [ПП, № 7]).

поэтому в «проводных» плачах возникают трагические мотивы ожидающей воинской гибели¹⁹: «Разнесёт, бат, да твою буйну голову, / Прострелят ваши да груди белые, / Прольют твою да кровь горячую» [Там же, № 44: 14]; «Соймут твою, бат, буйну голову, / Прольют твою да кровь горячую / Во чистом поле тебя да во раздольице, / Разнесёт тебя, бат, на буйном ветре, / Рас- таскают тебя, бат, чёрны вороны, / Не узнам про тебя да не спроведаем» [Там же, № 31: 44]. Некоторые исполнительницы описывают проводы будущих воинов непосредственно как отправку на смерть, используя поэтические формулы, характерные для погребально-поминальных причетов: «Я опять тебя да провожать стала / Во дальнюю да путь дороженьку, / Во дальнюю да во печальную, <...> На большу войну да ерманскую, / Под пулю да под быстрою, / На смерть тебя, да чадо милое, / Под бой тебя, да чадо милое. / Нам последнее с тобой прощаньице, / Вековечно, бат, да нам свиданьице» [Там же, № 55: 4]²⁰; «Тут разостались мы с ним да распростились / На вечно житьё да бес- конечное» [Там же, № 3: 28]²¹.

Гибель воинов — важнейшая составляющая рассматриваемой темы. Часто этот мотив реализуется полностью или частично по схеме «поражена голова и/или грудь, пролита кровь»: «Засечены да буйны головы, / Прострелены, бат, да груди белые» [Там же, № 1: 251]; «Кладут там да

буйны головы, / Проливают да кровь горячую» [Там же, № 53: 13] (подобные примеры приводились и выше). Данный факт может быть передан более обобщенно и лаконично: «Тут погинул мой да милый брателко» [Там же, № 2: 132].

Определительное сочетание *война кроволитная* не случайно является одной из популярных номинаций войны. Эта формула раскрывается в целом ряде причитаний в страшных картинах исхода кровавых сражений. В них военная чужая сторона предстает как страна смерти, где земля пропитана солдатской кровью и усыпана телами погибших: «Чужа та да дальня сторона, / Она не мёдом ли да была мазана, / Не сахаром была посыпана, / Она помазана кровью горячею, / Кровью горячею да молодецкою, / Она посыпана только земелюшкой, / Удалыми да добрыми молодцами, / Затем она слезми горячими» [Там же, № 28: 42]²²; «Ночь лежат там много трупов умерших, / Там лежит, бат, моё да солнце красное, <...> Бат, пролита его да кровь горячая, / Его протыканы, бат, да груди белые, / Протыканы да штыком острым, / Или прострелены да пулей быстрою» [Там же, № 44: 135]²³; «Разнесло тебя, видно, да по чисту полю, / Оне разрядили да ты разорвали / Намелко тебя видно да намелко, / Где рука, где нога, где буйна голова...» [Там же, № 28: 133]²⁴. В плаче — воспоминании о войне, записанном в 1980 г., встречаем

¹⁹ Подобное см. в костромских плачах в записи 1916 и 1919 гг. [Иванова 2010, 153].

²⁰ Ср. с поминальным и похоронным причетами: «Ты прости, моя да ласкова бабушка, / Ты отныне, моя, до веку, / Нам последние ли с тобой прощаньице, / Больше на веки да несвиданьице» [РНБЛ Печ., № 12: 47]; «...Последнее да расставаньице, / Вековечное несвиданьице» [Астахова 2013, № 2: 13].

²¹ Ср. с поминальным плачем: «Захоронили ты, гора высокая, / На вечно житье, на бесконечное» [СыктГУ 0331—21].

²² Подобные формульные описания чужой дальней стороны («...как не сахаром посыпана, / И не мёдом наполивана, / А слезами да горячими») встречаем в пудоожском плаче при проводах на войну [РНБЛ Пудож., № 17: 16]. Близкие по образности картины представлены в сюжете «молодец зовет девицу в Казань-город», усть-цилемские варианты см.: [ПП, № 133; ТКУЦ ЛП, № 15].

²³ В одном из плачей использована традиционная метафора «гибель на войне как женитьба» («Их сразила, может, да пуля быстрая, / Поженила, может, да кровь горячая / Во чистом поле да во раздольице» [РНБЛ Печ., № 51: 38]; см., например, усть-цилемский вариант песни «За Дунаем, за рекой там казак гулял...» [ПП, № 7]).

²⁴ Одна из исполнительниц экспедиции 2007 г., вспоминая, как ее бабушка оплакивала своего сына, погибшего в начале войны, воспроизвела именно эту формулу: «У меня извещение пришло от отца Алексея Ананьевича, четвертого августа он погиб дак, пришло извещение дак, бабушка села — у нас така лавка была тут, села, мы вокруг ей все сели, малы. Она плачет, голосит: “А где, — говорит, — рука, где нога, а где буйна голова”. А мы все ревом ревим сидим. Вот топере это помню всё. Семи годов, дак всё в память попало» (Зап. от Марфы Елисеевны Дуркиной, 1933 г. р. (урож. д. Филиппово), с. Трусово. Соб. Т. С. Канева. 2007 г.) [СыктГУ 03232—44].

подобное описание: «На большой войне да кроволитной / Много пролито там крови горячей <...> Не собраны-то кости мужески <...> Много там положили да буйны головы / Горьки дети отецкие да тоже материны» [МГУ 4–10–1980, т. 14, № 218, 47].

Своего наивысшего накала тема войны в усть-цилемских причитаниях, как представляется, достигает в мотиве непогребения воинов на войне — чужой стороне²⁵. В причитаниях каждой второй усть-цилемской вопленицы из числа информантов экспедиции 1942 г. звучит выражение боязни о том, что уходящим на войну или погибшим и пропавшим без вести «не достанется матери — сырой земли» [РНБЛ Печ., № 4: 132; № 28: 138; № 54: 21], «не присчитается» гробовой доски [Там же, № 28: 139], их некому будет «...положить да в мать—сыру землю / Полюдски да по-хорошему, / По-хорошему да по-настоящему» [Там же, № 28: 149]. Описания невыполнимого на войне — чужой стороне погребального обряда представлены в рассматриваемых текстах как в лаконичных, так и в детально разработанных формульных воплощениях:

Лежат они да не хоронятся,
Не копают им да земляна бугра,
Не делают да гробову доску,
Не шьют им да белы саваны,
Не смывается да кровь горячая
[Там же, № 2: 90];

Лежит, солнце, не похоронено,
Не одето на него платье умершее,
Не омыта с него да кровь горячая
[Там же, № 44: 142];

Не досталася ему земля-мати,
Не повырыто да земляна бугра,
Не построена да нова горница,
Не повыделана светла светлица
Из нова теса да дорожёного,
С него не смыта да кровь горячая, <...>
Не снаряжено платье умершее,
Не снаряжено да не уложено,

Не закрыто гробовой доской,
Не зарыто да со жёлтым песком»
[РНБЛ Печ., № 4: 132].

В усть-цилемских плачах нашли отражение страшные опасения о грозящем незахороненным телам поругании: «Не сряженной да не уложенной, / Не закрытой он да гробовой доской, / Не зарытой он да жёлтым песком. <...> Его раскуркали да чёрны вороны, / Разграяли да сизы орлы» [Там же, № 54: 34]; «Его, бат, раскуркали да чёрны вороны, / Расклевали, бат, его сизы орлы, / Растаскали, бат, да звери лютые»²⁶ [Там же, № 43: 184]; «Разнесёт тебя, бат, на буйном ветре, / Растаскают тебя, бат, чёрны вороны, / Не узнам про тебя да не споведаем» [Там же, № 31: 47]²⁷.

Однако, несмотря на превалирование в рассматриваемых плачах общей трагической тональности, они не лишены и оптимистического начала — веры в победу. Эта установка реализуется уже в изложении цели отправки воинов на фронт: «Пошли они да поехали / Защищать они свою Родину, / Свои-то да печорски края, / Победить врага неверного» [Там же, № 1: 242]; «Ждать будем да со победою, / Со победою да со великою» [Там же, № 40: 355]. Исполнительницы из д. Уег вводят в свои плачи заверения в победе от лица воинов. Так, Е. А. Дуркина «пересказывает» в причете письмо брата-фронтовика, выразившего решимость одолеть противника: «Не пожалею я свою да буйну голову / Со всей своей силой мужицкой, / Разбивать стану врага нечистого» [Там же, № 2: 59]. Подобным образом Е. Ф. Поздеева приводит в своем голошении исполненную веры в благополучный исход войны речь председателя колхоза: «Освободим мы родную сторону / От проклята врага несносного, / Придём домой да со победою, / Со победою да со великою» [Там же, № 42: 121].

Женская жалость к своим родным — отправившимся под пули фронтовикам, ярко выраженная в плачах, оттеняется отдельными «героическими» номинациями солдат (*герои советские, богатъри*

²⁵ «Для русского человека, во-первых, вообще страшна не смерть, а отсутствие погребения, т. е. невозможность быть преданным земле <...>; во-вторых, страшна опасность быть погребенным не в “своей” земле, а на “чужой стороне”» [Николаев 2002, 74].

²⁶ Ср.: «Ай, лежит-де Добрыня да на сырой земли, / Его косточки-ти звери да приростаскали» [БП, т. 1, № 38: 148].

²⁷ Подобное описание см. в пудожском причитании [РНБЛ Пудож., № 23: 109].

всемирные [Там же, № 52: 2]) и наказаниями уходящим на войну, в которых вопленицы призывают их проявлять патриотизм, твердость и смелость²⁸: «Не отдавай фашисту ядовитому / Ни одного лоскута Россииматушки» [Там же, № 11: 56]; «Ты не бойся там да пули быстрой, / Уничтожай врага, проклята Гитлера» [Там же, № 41: 30]; «Ты работай да по-военному, / Ты лечи-спасай да добрых молодцев, <...> Уж ты бей врага, наша, без промаху, / Истребляй да до единого» [Там же, № 52: 23]; «Бить вам нужно да зла врага, / Зла врага да супостатника, / Не подавайте ему да слабости» [Там же, № 61: 27]. Провожая на фронт подругу, Е. Ф. Поздеева дает ей совет сохранить мужество и достоинство и предпочесть плену смертельную пулю за Родину:

Не сдавайся ты да прокляту врагу,
 На искитанье прокляту Гитлеру,
 Пусть не галится над тобой, да лебедь белая,
 Над твоим-то да над белым лицом,
 Над твоим телом над бабьим женским.

Ты дай себе да пулю быструю,
 Пролой свою да кровь горячую,
 Всему роду на похваленьице,
 Прольешь ты кровь за родну сторонушку»
 [Там же, № 41: 97].

Итак, в усть-цилемских причитаниях, относящихся в своем большинстве непосредственно к военному времени (1942 г.), его целостности и органичности удалось достичь благодаря богатому поэтическому опыту традиции, ее жизнеспособности, проявившейся, в частности, в появлении талантливых исполнительниц, в их способности к «формулотворчеству» [Иванова 2010, 161 и др.]. В усть-цилемской «воинской» причете широко использован поэтический арсенал похоронно-поминальных плачей; параллели к отдельным составляющим художественного словаря рассмотренного корпуса текстов обнаруживаются в былинах и лирических песнях.

Литература

Астахова 2013 — Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (Из полевых дневников А. М. Астаховой) / публ. и коммент. Т. С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 109–146.

Былины Мезени 2006 — Былины Мезени (Свод русского фольклора: Былины: в 25 т. Т. 3–5) / отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2006.

Былины Печоры и Зимнего берега 1961 — Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи / изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961.

Былины Пинеги 2012 — Былины Пинеги (Свод русского фольклора: Былины: в 25 т. Т. 7) / отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2012.

Иванова 2010 — *Иванова Т. Г.* Идеологемы и их формульное воплощение в русских народных плачах воинской тематики (XIX — XX века) // Русская литература. 2010. № 1. С. 142–171.

Канева 2011а — *Канева Т. С.* «Война — чужая сторона» в усть-цилемских причитаниях // Рябининские чтения — 2011: Матер. VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 280–283.

Канева 2011б — Усть-цилемские свадебные причитания: указатель основных тем и мотивов /

сост. Т. С. Каневой // Покровские дни: Труды конф. Вып. 2. Н. Новгород, 2011. С. 53–99.

Николаев 2002 — *Николаев О. Р.* Фольклорная символика дороги и поэзия А. С. Пушкина // Традиционные модели в фольклоре, литературе, искусстве. В честь Натальи Михайловны Герасимовой. СПб., 2002. С. 60–77.

Поэзия Печоры 1943 — *Базанов В. Г.* Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943.

Разумова 2005 — «Моя первая экспедиция на Печору — это был 42-й год» (из воспоминаний А. П. Разумовой) / публ. М. Л. Лурье, А. А. Сенькиной // Живая старина. 2005. № 2. С. 47–48.

Сокращения

БП — Былины Печоры (Свод русского фольклора: Былины: в 25 т. Т. 1–2) / отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001.

МГУ — Архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. ФЭ-12 (Усть-Цилямский район).

ПП — Песни Печоры / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.

РНБЛ — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. М.; Л., 1962.

²⁸ Истоки этого мотива Т. Г. Иванова связывает с советскими ритуалами проводов на фронт [Иванова 2010, 168].

РНБЛ Заонеж. — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. М.; Л., 1962. II. Заонежье. С. 222–383.

РНБЛ Печ. — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. М.; Л., 1962. I. Печора. С. 45–221.

РНБЛ Пудож. — Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях

В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. М.; Л., 1962. III. Пудож. С. 384–550.

СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета, Усть-Цилемское собрание.

ТКУЦ ЛП — Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни: Науч. изд. / сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров и др. М., 2008.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской и общей филологии, руководитель Научно-образовательного центра «Духовная культура Европейского Севера России» Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета: 167001, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 65; тел.: +7(8212) 390 396; e-mail: t-kaneva@yandex.ru

WAR IN UST-TSILMA LAMENTS: IMAGERY AND THEMES

KANEVA TAT'YANA

(Syktyvkar State University: Oktyabr'skiy av. 55, 167001 Syktyvkar, Russian Federation)

Summary. *The study characterizes poetic textualizing of the war theme in laments appearing in Ust-Tsilma — the rural region at the embouchment Pechora — the river's Tsilma — the tributary), one of richest oral traditions of the Northern Russia. The analyzed data consist primarily of recordings made during the Great Patriotic War — in 1942 (published in 1963). The article covers some of the denominations — words and attributive phrases relating to the concepts of “war”, “weapons”, “enemy”. “The great war, the sanguinary” is the most frequent epithet nomination of the war, whereas such metaphorical substitute equivalents as “blazing flames” or “black cloud” appear sporadic. The vocabulary denoting weapons and ammunition specified in laments in the context of describing the war as a battle is quite diverse. Generalizing lexical units (“an enemy”, “a foe”) and actual historical lexemes (“a fascist”, “Hitler”) were used widely to denote the adversary. Besides, there occurred numerous interesting occasional descriptions of the enemy (“a robber, a thug”, “a beast” etc.). The article also analyzes the motifs peculiar to the war-themed laments: the beginning of the war, military mobilization, farewell and advices to the soldiers, leaving for the battlefield, soldiers' daily life, the battle, perishing.*

The motifs of seeing off and soldier's destination manifest the war image as a far foreign country, the death realm which is opposite to home and threatens soldiers with a horrible doom. The war theme in the Ust-Tsilma lamentations reaches its climax in the motif of a soldier's not-burial. Furthermore, the author pays attention to the connection between poetics of the war-related laments and other lamentation subgenre groups as well as other genres of the Ust-Tsilma folklore. As a result it is concluded that the war lamentations widely used poetic means of the burial poetry; parallels to some components of the literary vocabulary can be found in bylinas and lyrical songs. This paper is supported by the research project of the RFH and Komi Republic № 14-14-11003 a(p).

Key words: *Laments, Pechora, war, poetics.*

Literature

Bazanov V. G. Poetry of Pechora. Syktyvkar, 1943. In Russian.

Bylina Epic of Mezen' (The Russian Foklore Corpus: Bylina epics. In 25 vol. Vol. 3–5). Ed. by A. A. Gorelov. St. Petersburg; Moscow, 2006. In Russian.

Bylina Epic of Pechora and Zimniy Bereg (“The Winter Coast” of the Dvina Bay of the White Sea”). New Recordings. Ed. by A. M. Astakhova, E. G. Borodina-Morozova, N. P. Kolpakova, N. K. Mitropol'skaya, V. F. Sokolov. Moscow; Leningrad, 1961. In Russian.

Bylina Epic of Pinega (The Russian Foklore Corpus: Bylina epics. In 25 vol. Vol. 7). Ed. by A. A. Gorelov. St. Petersburg; Moscow, 2012. In Russian.

Ivanova T. G. Ideologemes and their Formulaic manifestation in the Russian Folk Laments of Military Themes (19th — 20th Centuries). *Russian Literature*. 2010. № 1. Pp. 142–171. In Russian.

Kaneva T. S. “War — the Alien Side” in the Ust-Tsilma laments. *Ryabinin Readings-2011. Proceedings of the 6th Scholarly Conference upon Studies and Actualization of the Folklore Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2011. Pp. 280–283. In Russian.

“My First Field-Work at Pechora anno 1942” (From A. P. Razumova memoirs). Published by M. L. Lurè, A. A. Sen’kina. *Alive Antiquity*. 2005. № 2. Pp. 47–48. In Russian.

Nikolaev O. R. The Foklore Symbol of the Road and A. S. Pushkin’s poetry. *Traditional Models of Folklore, Literature and Arts. In honor of Natal’ya Mikhaylovna Gerasimova*. St. Petersburg, 2002. Pp. 60–77. In Russian.

Pechora Laments and Notes on the Funeral Ritual in the Recording of the Expedition of the State Institute of History of Arts in 1929. From the Field Diary of Anna Astakhova. Published and comments by T. S. Kaneva. *From the History of Russian Folklore Studies*. Issue 8. St. Petersburg, 2013. Pp. 109–146. In Russian.

Ust-Tsilma Wedding Laments: Index of Primary Themes and Motifs. Compiled by T. S. Kaneva. *Pokrov (Intercession of the Holy Virgin) Days. Proceedings of the Conference*. Issue 2. Nizhniy Novgorod, 2001. Pp. 53–99. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: t-kaneva@yandex.ru;

Tel.: +7(8212) 390 396;

Oktyabr’skiy av. 55, 167001 Syktyvkar, Russian Federation;

PhD (Philology), associate professor, head of Russian and General Philology Department, chief of research center “Spiritual Culture of the European North of Russia”, Institute of Humanities, Syktyvkar State University
